

**ВЛАСТЬ И УРАЛЬСКИЕ МОНАСТЫРИ:
НА ПУТЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ПРОТИВОБОРСТВА
(по материалам жалованных грамот XVII в.)**

роцесс ограничения феодального иммунитета, в том числе и привилегий духовных корпораций, начавшийся в середине XVI в., был тесно связан с усилением централизации государства.

Длительное противостояние государственной власти и церкви по земельно-податным вопросам завершилось взаимными уступками. В поисках компромисса светская власть была вынуждена сохранять за духовенством ряд привилегий на протяжении всего XVII в.

Процесс освоения новых районов Российского государства, в том числе и Урала, накладывал свой отпечаток на взаимоотношения государства и церкви на этих территориях. Правительство стремилось как можно скорее упрочить свои позиции на недавно присоединенных окраинах, надежно включить их в систему централизованного государства, ускорить их экономическое освоение. Распространяя на новые территории нормы общероссийского законодательства, власть была вынуждена учитывать интересы и возможности всех участников процесса освоения. Монастырям отводилась немаловажная роль в экономическом развитии региона, установлении и идеологического, и нравственного контроля, в первую очередь, над пришлым русским населением.

В Приуралье монастыри появились во второй половине XVI в. Наиболее крупными из них стали Пыскорский Преображенский и Соликамский Вознесенский монастыри. Первый был основан Аникой Строгановым около 1559 — 1560 гг. Строгановы обеспечили

монастырь земельными угодьями, крестьянами, соляными варницами. На их средства в обители велось строительство, приобреталось церковное имущество. Соликамский Вознесенский монастырь был основан посадскими людьми и уездными крестьянами Соли Камской между 1589 и 1591 гг. Большая часть земельных владений Вознесенского монастыря являлась вкладами жителей близлежащей округи¹. Формирование вотчин этих монастырей в основном завершилось к середине XVII в.

Посредником между государством и монастырями являлся Новгородский приказ. До 50-х гг. XVII в. приуральские монастыри находились в ведении Вологодской и Великопермской епархии, а с 1657 г. — Вятской и Великопермской. Пыскорский монастырь являлся ставропигиальным, то есть подчинялся не местным епископам, а митрополитам, позже патриархам. До сих пор остается спорным вопрос о том, когда началась и закончилась ставропигия Пыскорского монастыря. Скорее всего, он сохранял свою независимость от местных иерархов с конца XVI до конца XVII вв.²

На восточном склоне Урала монастыри появились в первой половине XVII в.: Верхотурский Николаевский — в 1604 г., Невьянский Богоявленский — в 1621 г., Далматовский Успенский — в 1644 г. По светским делам они находились в ведении Сибирского приказа, а по духовным подчинялись архиепископу Сибирскому и Тобольскому. Складывание и развитие их вотчинных хозяйств в основном пришлось на вторую половину XVII в.

Разновременное становление западно- и восточно-уральских монастырей, подчиненность различным центральным органам управления предопределили особенности оформления их отношений с государством. С западно-уральскими монастырями это произошло в конце XVI — первой половине XVII вв., когда были еще сильны законодательные традиции предыдущего времени, когда шло становление системы ограничений феодального иммунитета и многие ограничительные указы так и оставались на бумаге. Например, указы 1617 и 1645 гг. об отмене тарханских грамот на пошлины с товаров и промыслов³.

Отношения между государством и монастырями Восточного Урала развивались уже в иных исторических условиях, когда вводившиеся с середины XVI в. ограничения податного и таможенного им-

мунитета духовных корпораций стали нормой жизни, вместе с тем, государство признало за церковью сохранение ряда привилегий.

С XII в. весь комплекс отношений светской власти и духовных корпораций оформлялся жалованными грамотами. Как правило, жалованные грамоты состояли из трех частей: вотчинной (закреплявшей земельные владения), тарханной (оговаривавшей таможенные и податные льготы) и несудимой (определявшей рамки судебного иммунитета). В этой же традиции получили жалованные грамоты Пыскорский монастырь (1627 г.) и Соликамский монастырь (1628 г.). Зауральские монастыри уже не имели жалованных грамот, да и не стремились их получить. В условиях нарастания тенденции ограничения монастырского землевладения они хотели лишь узаконить свои вотчинные права, не пытаясь добиться от центральных властей жалованных грамот на податные и судебные привилегии. Очевидно, это связано с тем, что нормы общероссийского законодательства по этому поводу уже прочно вошли в практику и местные власти не предпринимали попыток их нарушений.

В феврале 1623 г. был издан указ о предоставлении на утверждение старых жалованных грамот духовенству всего Московского государства. Сбор старых и подпись новых документов были поручены боярину Б.Лыкову и дьяку П.Пахиреву. Пересмотр жалованных грамот проводился в Приказе сыскных дел с февраля 1623 г. до марта 1625 г. Однако многие тарханные грамоты, подписанные дьяком П.Пахиревым, вскоре были объявлены утратившими силу, так как выяснилось, что дьяк допускал злоупотребления — давал жалованные грамоты без ведома государя⁴. За приписью дьяка П.Пахирева получили общую жалованную грамоту и Соликамские Вознесенский мужской и Архангельский женский монастыри. Но в 1625 г. этот документ был отозван. Пересмотру подверглась тарханная часть грамоты. Новый жалованный акт был выдан соликамским монастырям 9 сентября 1628 г.⁵ Скорее всего, до грамоты, подписанной П.Пахиревым, Соликамский Вознесенский монастырь не имел жалованных грамот. В противном случае в грамоте 1628 г. они бы упоминались, как того требовал формуляр.

Немногом раньше, 28 августа 1627 г., была выдана жалованная грамота Пыскорскому Преображенскому монастырю⁶. Указ о

пересмотре старых грамот Пыскорского монастыря появился лишь в 1625/1626 г. Пыскорские старцы представили в Москву 6 грамот за 1588/1589 — 1595/1596 и 1619 гг. Эти документы были адресованы местным властям и являлись ответами на челобитные монахов о земельных спорах с соседями и попытках местной администрации заставить монастырское население участвовать в раскладке мирских повинностей. Поэтому эти грамоты касались только вотчинного и податного иммунитета монастыря. В них отсутствовала несудимая часть⁷.

Жалованные грамоты Пыскорскому (1627 г.) и Соликамским (1628 г.) обителям имеют вотчинную, тарханную и несудимую части. И хотя они близки по содержанию, но вместе с тем имеются и различия в предоставляемых монастырям льготах. Таким образом, на фоне проведения в жизнь норм общероссийского законодательства наблюдается вариативность подходов государства к отдельным обителям даже в рамках одной небольшой территории.

Жалованные грамоты 20-х гг. XVII в. являются важным этапом в развитии взаимоотношений государства и уральских монастырей, поэтому более подробно остановимся на их анализе.

Оба документа начинаются воспроизведением (частичным или полным) текста предыдущей грамоты. Затем идет подтверждение вотчинных прав: «...все, чем до сих пор владели, владеть по-прежнему, отнимать и насильством вступаться в их вотчину никому не велели».

Но этот запрет отнюдь не касался самого государства. Власть оставляла за собой негласное право «перебора» монастырских земель, то есть отбирать одни и выделять другие. Так, в 1637 г. у Пыскорского монастыря были взяты земли на р. Канкарке, на которых предполагалось строительство казенного медеплавильного завода. Взамен монастырь получил еще неосвоенную территорию между р. Мечкою и Нагаевой пустошью⁸.

Строительство г. Кунгура привело к появлению указа 1648 г. о выводе на жилье в новый город крестьян из вотчин Пыскорского и Соликамского монастырей. Подобные выводы населения из-за Соликамского Вознесенского монастыря имели место в 1653/1654, 1654/1655, 1657/1658, 1660/1661 гг. Опустевшие монастырские деревни на р. Шакве были переданы кунгурским крестьянам в 1660/1661 — 1661/1662 гг.⁹ Это свидетельствует о том, что монастыри были одним из орудий в государственной политике хозяйственного освоения края.

Следующая часть в жалованных грамотах касается податных привилегий монастырей. Начало наступления на податной иммунитет духовенства принято связывать со статьей 43 Судебника 1550 г.: «тарханых вперед не давати никому, а старые тарханские грамоты поимати у всех». Осуществление же на практике этой статьи закона вызвало активное противодействие церкви. Лишь в 1584 г. отмена тарханов, освобождавших от основных поземельных налогов, была оформлена Освященным собором¹⁰.

Как считает Е.И. Колычева, выдача подобных тарханских грамот духовным корпорациям почти полностью исчезает из практики Московского государства после января 1580 г. Однако грамоты 1588 — 1619 гг., адресованные властям Орла-городка, Соли Камской и Усоля Камского, запрещали вотчины и крестьян Пыскорского монастыря «в сотни притягивати и всяких податей с них имати до нашего указу и варницы их ничем ведати не велено, а дано им то все на монастырское строение и на ладан, и на свечи, и на вино церковное». Также запрещалось брать в монастыре подводы для проезда в Сибирь или обратно кроме «ратного дела большово» и то лишь в случае, если будет прислан именной указ. Таким способом государство со своей стороны оказывало материальную поддержку молодому монастырю, создавая льготные условия для монастырских крестьян и тем самым облегчая процесс заселения монастырской вотчины в условиях малонаселенного района.

Согласно жалованным грамотам 1627 и 1628 гг. население монастырских вотчин освобождалось от податей и денежных поборов, «опричь ямских денег и стрелецких хлебных запасов, городского и острожного дела». Раскладка этих повинностей должна была осуществляться согласно писцовым и дозорным книгам, то есть в тот период по книгам М. Кайсарова 1623/1624 г. Но в 1623/1624 г. пашня Соликамского Вознесенского монастыря не была положена в сошное письмо, потому что «пашню пашут на монастырь своими людьми — детеныши»¹¹. Таким образом, Соликамский монастырь освобождался от уплаты основных повинностей до следующей переписи.

Спустя почти год после получения жалованной грамоты 1627 г. старцы Пыскорского монастыря решили выяснить, сколько же им платить, так как до писцовых книг Кайсарова «не плачивали, потому что платить было не с чего — крестьяне и живущие пашни за ними наперед сего не бывало»¹². Монахи явно лукавили (об этом

свидетельствует перепись Яхонтова 1579 г.). В грамоте от 14 октября 1628 г., присланной в ответ на просьбу старцев, приведены сложные расчеты размера повинностей для Пыскорского монастыря в зависимости от размера крестьянской запашки. Предписывалось платить за стрелецкие хлебные запасы и ямских денег «по 17 рублей по полушести денег на год». Для уральских монастырей, также как и для северных поставки стрелецких хлебных запасов были заменены денежным налогом.

В 1679 г. было введено подворное налогообложение. В связи с этим в ближайшие годы Пыскорский монастырь должен был платить по 91 рублю 1 алтыну стрелецких денег ежегодно, Вознесенский монастырь — 37 рублей¹³.

Важным вопросом для уральских монастырей был вопрос об уплате оброка за угодья, варницы и мельницы. В начале XVII в. Соликамский монастырь получил от вкладчиков 2 варницы. Одна из них была заведена в 1607/1608 г. Согласно дозорной книге Ф.Воронцова-Вельяминова 1620/1621 г. монастырь платил за эту варницу оброк вместе с жителями Соли Камской 2 рубля 10 денег (сумма складывалась из данных денег, «наместнич» дохода и пошлины). Это условие владения варницей сохранялось и в жалованной грамоте 1628 г. Также этим документом регламентировался объем производства соли.

Земли, переданные Пыскорскому монастырю Строгановыми, с 1579 г. записывались вместе с Орловским уездом в сотную грамоту Никите Строганову, который и платил в казну с этих монастырских владений оброк. Пыскорский монастырь был освобожден и от оброка с варниц. Как показывает исследование Н.В.Устюгова, к концу XVII в. у монастыря было 20 варниц, но на протяжении всего столетия монастырская братия платила государственный оброк только с 3-х варниц. Хотя сохранились распоряжения соликамским воеводам положить оброк на вновь построенные монастырские варницы. Н.В.Устюгов предположил, что Пыскорский монастырь уклонялся от платежа оброка за большинство своих варниц и конфискация 5 лучших монастырских варниц на устье р. Зырянки в 1652 г. была проведена в наказание за неплатеж оброка¹⁴.

Однако, как показывает изучение жалованных грамот 1627 и 1673 гг., Пыскорский монастырь имел юридические основания не платить оброк. В первой говорилось, что «варницы их ни чем ведать не велено». В жалованной ободной грамоте 1673 г. подробно описы-

вались границы монастырской вотчины и указывалось, что «на той земле, где похотят всякие заводы заводить, и промыслы варнишные вновь строить и теми заводами и промыслами вольно им без оброка владеть». Пыскорский монастырь имел немалые доходы от соляного промысла. Так, по данным 1688/1689 г., когда у монастыря было 10 варниц, старцы получали соли на сумму около 10048 рублей (при рыночной цене по 4 копейки за пуд). К концу XVII в. монастырская соледобыча увеличилась почти в 3 раза. При этом государство продолжало сохранять условия жалованной грамоты 1673 г., которая была подтверждена в 1685 г. и переписана на имя новых самодержцев Ивана и Петра.

В период существования тарханов одной из значительных экономических привилегий русских монастырей было освобождение от таможенной пошлины. Ограничение торговых льгот духовных корпораций началось с установления определенного количества товаров, которое можно было беспошлинно провозить, покупать и продавать «на монастырский обиход».

Жалованные грамоты Пыскорскому монастырю обходят молчанием вопрос о его торговых льготах. Следовательно, этот монастырь их не имел. А вот Соликамский монастырь, согласно жалованной грамоте, подписанной П. Пахиревым, имел право «ходить дощенником и возити в том дощеннике соль монастырскую и продавать ту соль беспошлинно». Но уже в 1625 г. это разрешение было отменено, что стало главной причиной отзыва жалованной грамоты. В соответствии с грамотой 1628 г. монастырь должен был платить такие же пошлины с продажи соли, как и торговые люди.

Вместе с тем этот документ подтверждал разрешение предыдущей грамоты купить и привезти в монастырь на одном дощанике один раз в год без каких-либо пошлин всяких монастырских запасов (согласно росписи) на 350 рублей и 950 четвертей хлеба. Все купленное сверх установленной нормы облагалось пошлинами в соответствии с уставными грамотами. При продаже товаров, купленных беспошлинно, монастырь также платил пошлину. В документе оговаривалась система контроля за соблюдением установленных ограничений. Таким образом, предоставленные монастырю проездные и торговые льготы заметно перекрывали расходы монастыря на уплату оброка за варницу.

Несудимая часть жалованных грамот 1627 и 1628 гг. определяла рамки судебного иммунитета монастырей. Разграничение сфер юрисдикции светских и духовных властей в основном соответствова-

ло постановлению Стоглавого собора 1551 г. «О несудимых грамотах» (Стоглав, гл. 67). Жители монастырских вотчин были неподсудны местным светским властям кроме душегубства, разбоя и татьбы с поличным. Тяжбы по мирским делам судил настоятель с братией. Конфликты монастырских крестьян и слуг с населением данного уезда разрешались «смесным» судом. Принятие решений по искам на настоятелей и братию являлось прерогативой государя, причем суд от царского имени мог осуществляться только 3 раза в год: на Рождество, на Троицу и на день Семена летопроводца. В жалованной грамоте соликамским монастырям оговаривалась подсудность архиепископу Вологодскому и Великопермскому лишь по духовным делам. Это не соответствовало Стоглаву.

Стоглавый собор предпринял попытку расширить полномочия святительского суда и передать в юрисдикцию епископов суд над настоятелями, иноками и церковным причтом не только в духовных делах, но и «во прочих», кроме трех уголовных преступлений. Но как показывают исследования С.М. Каштанова, этот пункт постановления о святительском суде проводился в жизнь не вполне последовательно. Влиятельные монастыри смогли сохранить прежнюю степень независимости от иерархов и остались в царской юрисдикции по всем делам¹⁵. Подобная ситуация наблюдается в начале XVII в. в отношении приуральских монастырей. На наш взгляд, это было обусловлено двумя обстоятельствами. Царская власть стремилась в лице уральских монастырей найти опору в колонизационном процессе и оградить от владычного произвола молодые обители в отдаленном слабо контролируемом крае. Так, в жалованной грамоте соликамским монастырям специально обращалось внимание на то, что «десятники архиепископские опричь дани и духовных дел, к ним в оба монастыри не въезжают и кормов своих и конских на них не емлют».

Поскольку Пыскорский монастырь являлся ставропигиальным, то в его жалованной грамоте вообще отсутствует упоминание о какой-либо ответственности перед местным архиепископом.

В жалованных грамотах устанавливалась коллективная ответственность монастырских жителей за убийство в вотчине, если убийца не будет найден. Причем население Пыскорского монастыря должно было заплатить местным светским властям виру 4 рубля «за голову», а Соликамского — 2 рубля (очевидно, эта разница зависела от количества монастырских крестьян). Если было доказано, что «душегуб-

ство учинилось бесхитростно», то монастырские жители освобождались от штрафа. Данный казус не нашел отражения в общероссийском законодательстве того времени и восходит к Русской правде пространной редакции. Статьи 3 – 6 первого письменного свода законов древней Руси устанавливали виру (штраф), которую должны были сообща заплатить члены верви, то есть соседской общины, за убийство, происшедшее на ее территории¹⁶. Необходимо отметить, что в жалованных грамотах термин «вира» используется в том же значении, что и в Русской правде. Однако в законодательстве XVI – первой половины XVII вв. он уже не встречается.

В жалованной грамоте Пыскорского монастыря нашел отражение еще один казус из уголовного права, связанный с душегубством. Предусматривалось двойное наказание за убийство незванным гостем на пиру у монастырских жителей и предписывалось монастырским людям и крестьянам не пускать на пиры и братчины незваных гостей, «а кто к ним придет пить не зван, и они того незванного вышлют вон беспенно». Издавна на Руси убийство на пиру рассматривалось как неумышленное и поэтому наказывалось менее строго, как правило, нещадным битьем кнутом. Однако в данной ситуации определялось двойное наказание. С чем это было связано?

Если мы обратимся к общероссийским законам по уголовному праву того времени, например, Уставной книге Разбойного приказа 1616 – 1617 гг., то там не рассматривается подобный казус¹⁷. Следовательно, он появился в жалованной грамоте по прецеденту. Этими дополнительными мерами центральная власть стремилась привлечь монастыри к борьбе с многочисленными правонарушениями на отдаленной плохо контролируемой окраине государства. Как правило, большинство преступлений было связано с чрезмерным увлечением «винным питьем».

Рассматриваемые жалованные грамоты также регламентировали отношения приуральских монастырей с воеводским и земским управлением. Как показывают сохранившиеся документы, эти отношения были больше похожи на противоборство, чем взаимодействие. Местные власти пытались включить монастыри в сферу своей компетенции, а старцы настаивали на своей независимости. Так, например, самой ранней из грамот, представленных старцами Пыскорского монастыря в Сыскной приказ в 1627 г., была грамота от 17 декабря 1588 г., адресованная орловскому голове А.Акинфиеву в ответ на че-

лобитную монахов¹⁸. Игумен Пимен с братией жаловались на А.Акинфиева, что он без царского указа взял в монастыре 10 лошадей с подводами, «всем запасом» и проводниками под сибирских воевод и стрельцов, и «те де десять подвод со всем, опричь проводников, перемерли и в том де их монастырю учинилось убытка шестьдесят рублей». Также жители Усолья Орловского имели намерение устроить в монастыре ям, просили у монастырских крестьян подводы и корма под государевых посланников. Выше уже отмечались попытки земского населения заставить монастыри участвовать в мирской раскладке повинностей. Чтобы снять в дальнейшем конфликты между обителями и воеводами по податным вопросам, центральные власти предписывали монастырям платить подати непосредственно в Новгородский приказ.

Жалованная грамота Пыскорскому монастырю содержала наказ воеводской администрации оберегать монахов и монастырских жителей, «чтоб им от ратных и всяких проезжих и окольных людей насильства и тесноты и обид отнюдь не было». Этот наказ был взят из текстов предшествовавших грамот. В жалованной грамоте Соликамским монастырям такого пункта не было, но указывалось всем проезжим, в том числе и князьям, и боярам, и воеводам в обителях «силою не ставитца» и не брать подвод, проводников и кормов, а покупать по цене «как им продадут». Таким образом, центральная власть пыталась оградить приуральские монастыри от злоупотреблений местного светского управления.

Для соликамских монастырей жалованная грамота 1628 г. оказалась последней. Братия Пыскорского монастыря добились выдачи новой жалованной грамоты в 1673 г., так как прежние вотчинные крепости и жалованные грамоты обветшали и «за ветхостью впредь непрочны монастырскою вотчиною владеть им не по чему»¹⁹. В своих основных положениях этот документ повторял жалованную грамоту 1627 г., но значительно была расширена часть, воспроизводившая все предшествующие акты.

Жалованная ободная грамота от 30 сентября 1673 г, была подтверждена и подписана на имя царя Федора Алексеевича в 1677 г., царей Ивана и Петра Алексеевичей в 1685 г. Несомненно, что первостепенное значение для монастыря имела та часть грамоты, в которой описывались границы монастырских владений и подтверждались вотчинные права на эти территории, так как на протяжении всего XVII в.

обитель постоянно участвовала в поземельных тяжбах с соседями. Таким образом, жалованные грамоты являлись важнейшим регулятором отношений уральских монастырей с центральными, местными светскими и духовными властями.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Словцов И. Пыскорский Преображенский монастырь // ПЕВ. Пермь, 1867. № 12 — 15, 21, 24, 25, 27; Он же. Соликамско-Истобенский Свято-Троицкий третьеклассный монастырь // ПЕВ. Пермь, 1869. № 51, 52; Дмитриев А.А. Пермская старина. Пермь, 1889. Вып.1; Пермь, 1890. Вып.2.
- ² Дмитриев А. Пермская старина. Вып.2. С.109 — 110.
- ³ Законодательные акты русского государства второй половины XVI — первой половины XVII вв. Л., 1986. С.131 — 132, 210.
- ⁴ Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV — XVII вв. М., 1975. С.402.
- ⁵ Шишонко В. Пермская летопись. Период 2. Пермь, 1882. С.284 — 286.
- ⁶ Там же. С.376 — 377.
- ⁷ Дмитриев А. Пермская старина. Вып. 2. С.236 — 247.
- ⁸ Там же. С.104.
- ⁹ ГАПО. Ф.321. № 1. Л.38 об. — 89 об.
- ¹⁰ Колычева Е.И. Аграрный строй России XVI в. М., 1987. С.151 — 153.
- ¹¹ Словцов И. Соликамско-Истобенский...
- ¹² Архив СПФИРИ. Кол.115. № 388. Л.96 — 100.
- ¹³ ДАИ. СПб., 1875. Т.IX. С.191 — 199.
- ¹⁴ Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957. С.99 — 101.
- ¹⁵ Каштанов С.М. Финансы средневековой Руси. М., 1988. С.135
- ¹⁶ Российское законодательство X — XX вв. М., 1984. Т.1. С.64.
- ¹⁷ Законодательные акты русского государства ... С.85 — 91.
- ¹⁸ Дмитриев А. Пермская старина. Вып. 2. С.236 — 239.
- ¹⁹ Шишонко В. Пермская летопись. Период 3. Пермь, 1884. С.1008 — 1035. В.Шишонко ошибочно датировал этот документ 1674 г.

